

18+

Михаил Садовский

АЛГОЛ

Роман

Михаил Садовский

Алгол. Роман

«Издательские решения»

Садовский М.

Алгол. Роман / М. Садовский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985188-8

Действие романа «Алгол» известного писателя Михаила Садовского происходит в начале 60-х годов XX века. Молодой специалист попадает в отраслевой научно-исследовательский институт. Трудно происходит его становление как специалиста. Полученные результаты дают возможность оформлять исследование как диссертацию для защиты. Эта книга позволит читателям вернуться в годы, когда ещё не было компьютеров и вычислительных машин, когда партийная демагогия была зачастую важнее научной работы.

ISBN 978-5-44-985188-8

© Садовский М.
© Издательские решения

Алгол Роман

Михаил Садовский

Этот роман был написан в конце 60-х – начале 70-х годов XX века, когда компьютеры ещё не были в обиходе, а со счётными машинами надо было разговаривать на специальных языках, одним из которых был Алгол.

Художник обложки Ольга Колоколкина
Корректор С. Б. Чеканова

© Михаил Садовский, 2020

© Ольга Колоколкина, художник обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-5188-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

- Ты должен об этом написать!
- Почему должен? Почему об этом? Я знаю много других историй.
- Каждый знает много такого, что можно рассказать, но не всё интересно слушать.
- Возможно, но почему именно об этом?
- А что ты имеешь в виду?
- Я? Обыкновенную историю с Сергеем Шаровым. Помните, мы вместе учились, но он был на другом потоке.
- Конечно. Вот и расскажи. Назови его другим именем и рассказывай.
- Я всё называю своими именами, когда рассказываю, иначе не стоит начинать. Вы боитесь, что его узнают в нём же самом? Во-первых, он уже совсем другой с тех пор стал, а во-вторых, мало ли Сергеев и Шаровых на белом свете, и почему бы некоторым из них не быть похожими друг на друга? А если кто-то другой будет похож ещё больше, скажут, что я про него написал, только сменил фамилию. Нет, надо всё всегда называть своими именами.
- Как хочешь.
- Как можешь.
- Но почему же всё-таки должен?
- Ты ещё не понял? Чтобы назвать всё своими именами. Потому что это носится в воздухе, и если не напишешь ты, напишет другой.
- Пусть пишет, может, у него получится лучше.
- Но ведь читатель не знает, что кто-то может написать лучше. В этом счастье. По крайней мере, читательское.
- Ты ошибаешься!
- Отказываешься?
- Нет, хочу понять своё право.
- Права поймёшь, когда прочтёшь авторский договор с издательством.
- На что же вы меня обрекаете? Я ведь читал «Театральный роман», это уж кроме того, что иногда заходил в издательства.
- Разве в этом дело? Пиши.
- Сначала посоветуюсь с Серёжкой.

- Ладно. Мы тебе будем звонить. Книги всегда интереснее рукописи.
- До встречи.
- До встречи.

Он лежал, упираясь локтями в песок и подсовывая растопыренные пальцы под следы, оставленные ещё вчера. Потом медленно поднимал ладонь и внимательно смотрел, как песчинки ссыпаются с растопыренных пальцев и складываются снова в однообразную жёлтую массу. От следов не оставалось ничего. Будто их не было.

Он делал так много раз подряд, и вдруг ему в голову пришла странная аналогия. Это не песчинки – годы. Годы, прожитые каждым человеком. Песчинка – год. Они складывают время, не то безликое, которое отмеряют календари, а живое, тёплое, человеческое. Он сел от неожиданной этой мысли и оглянулся: песчаная полоса тянулась вдоль берега моря, сколько хватало взгляда. Нет, значит, не годы, а дни, нет, даже минуты, каждая песчинка – минута. Он задумался. А может, секунда, прожитая человеком, каждым человеком земли. Давнишние секунды внизу, а свеженькие, новые – наверху. Секунда – песчинка, секунда – песчинка. Их гонит ветер, промывает волна, так же точно, как время гонит и прокручивает человека. Мир вбирает в себя то, что совершено в эти миги, несоизмеримо малые даже с одной человеческой жизнью, но всё же навечно остающиеся в мире. Остающиеся великими открытиями и малыми песчинками. Иначе нельзя. Время не может порваться, оно – бесконечная нить. Клад песка, песчинки, прислонённые одна к другой.

Он сидел совершенно озадаченный этим неожиданным ощущением времени.

Отпуск подходил к концу. Вернее сказать: закончился. Ещё два дня – и снова запрягайся на целый год. Два дня не в счёт – год пролетает, как неделя. Песчинки. Хорошо хоть не разучился думать. Одичал здесь совсем.

- Вик, одичали мы?
- Одичали, Серёга! Пора домой подаваться! Ну его, этот отдых.
- Послушай, а как насчёт кареты?
- Проводнику пятёрка – спишь в его купе, только не платишь за постель и имеешь три матраца!
- Порядок. Ставлю ему ещё полдюжины пива. Курортники за билетами – как в войну за хлебом.
- Помнишь?
- Отец говорил.
- Серёга, кто нас встретит?
- Намёк понял. Её нет в Москве. На практике.
- Ясно. Погуляем на свободе.
- Не обижался и раньше.
- Возможно. Но не было потребности.
- Не стоит об этом. Ты моё мнение знаешь. Я не могу сказать тебе ничего нового. Бесполезно. Жизнь. Песчинки.
- Ты к чему? – удивился Виктор.
- Посмотри, сколько песка! Не то что годы – секунды. Понимаешь?
- Смутно.
- Не все же оставляют глыбы, в основном песчинки. Да и глыбы со временем превращаются в песчинки – ветер, солнце, понимаешь? Да, в каждой глыбе и есть одна главная песчинка.
- Теплее.
- Песчинка – секунда. Но возможно: секунда – глыба, а потом, через двести лет, из одной глыбы триллион песчинок, но нужна одна. Остальные так...
- Больше.

- Не важно, Витька, не важно. Пусть больше.
- Диалектика. Ты философ.
- Кто-то сказал: чтобы стать поэтом, надо прежде выработать свою философию.
- Никто этого не говорил – ты сам это придумал, но ведь ты, слава богу, не собираешься становиться поэтом!
- А вдруг?
- Когда сдашь философию, философ.
- Приеду и сдам.
- А готовиться?
- К чёрту зубрить. Проскочу...
- На эрудицию надеешься! А первоисточники?
- Читаю то, что нравится, не учебник же, в самом деле, сколько ни смотрел – бездарны как на подбор.
- Не стоит огорчаться – пойдём перекусим, до вагона-ресторана ещё дожить надо.
- Пацана позовём?
- Его кормит мама, Серёженька, мама! Вообще, на что он тебе нужен, не понимаю.
- Я из него человека сделаю, а то ведь пропадёт с такой мамой.
- Что бы тебе не заняться воспитанием детей – это очень благородно или в порядке шества пойти в третий класс вожатым, а?
- Верно, надо будет об этом подумать.
- Пожалуй!
- Знаешь, Витька, человек ведь как колодец. А вода в том колодце чище и вкуснее, из которого её берут больше.
- Верно, но в колодец плюют часто. Просто так, без нужды, потому что попался на дороге. Напьются из него и плюнут.
- А то и просто плюнут. Не замечал? Приглядишься. Колодец... А то и вовсе вычерпают до дна, и нет воды больше.

Вера Николаевна жарилась на своём стенде в институте. Наконец были готовы её модели, и она могла проверить, опробовать и оценить все предположения и расчёты. Солнце палило даже сквозь пыльное цеховое окно. За стеной, отрезавшей часть площади цеха под лабораторию, шумели станки. Разогретое в станках масло, мягкий асфальтовый пол в узорах въевшейся стружки – всё давало едкие испарения.

Модели стояли на полу второго этажа в ряд. Одна уже красовалась на месте, пленённая широкими воздуховодами, анализными трубками, проводами термопар и широким асбестовым шнуром. Модель была диктатором, и всё, что находилось здесь, на стенде, жалось к ней и подчинялось ей.

Печь грела немилосердно, то есть ей так и полагалось: греть воздух больше чем до ста градусов. Даже сквозь толстый слой изоляции прорывался мощный сухой жар, сливался с душевым воздухом дня и обдавал тело липким потом.

Вера Николаевна рассеянно смотрела на зайчик зеркального гальванометра и думала совсем о другом.

Ей хотелось нырнуть в Волгу, там, на знакомом берегу, и долго-долго, до последней возможности не выныривать, а потом разом выскочить из воды, зажмуриться от брызг и яркого солнца и глотнуть столько густого пахучего воздуха, что его, кажется, хватит на полжизни. «О, чёрт, хоть бы под душем постоять» – перебила она свои мечты. Но об этом душе говорили уже два года. Помещение пустовало, а директор никак не подписывал бумагу. Она почувствовала раздражение. Мысли переключились. «Главное, всё так! А с этими моделями? Сколько он не подписывал договор с Пшеничниковым! И никак не протолкнёшь. Всё должно вылежаться.

А потом, когда наши идеи в зарубежном реферативном журнале появятся, начинается спешка и премии за новую технику. Скорее бы он на пенсию уходил. Да ещё кого дадут?..»

Лаборантку она отпустила, и та буквально испарилась. «Так бы она поручения выполняла. Только и сидит да треплется про своего мужа-алкоголика. Хорошо ещё, не в синяках сегодня».

Раздражение нарастало, и она не в силах была с ним справиться. Вера Николаевна встала, потянулась, потом испуганно оглянулась по сторонам, но тут никого не было. Тогда она ещё раз потянулась до хруста в суставах и даже зажмурилась.

Ровно гудел стенд. Зайчик гальванометра лениво полз к нужной отметке на шкале. Было невыносимо жарко. Шум давил, но Вера Николаевна любила это место. Она опять села на стул чуть подальше от прибора и не шевелилась. До конца опыта ещё часа два – два с половиной, значит, снова придётся задержаться. Снова мама будет недовольна. А раньше ворчал Юра, когда она задерживалась на работе. Впрочем, теперь это не имело никакого значения...

Июль только набирал силу. Обычно в такое время они садились в машину и убегали от городской суеты на Волгу или ещё дальше в глухомань, рискуя завязнуть в петлях бездорожья, как это с ними бывало, и потом торчать до тех пор, пока не найдётся сердобольный тракторист, которому как раз кстати выпить.

Последний раз они так отдыхали в позапрошлом году. Тоже была жара, и они больше купались, чем ездили. Снимались с места только за продуктами да в кино в дождливый день.

Казалось, жара уже не так мучила. Наступал момент отупения: шум становился тишиной, жара – обычной атмосферой, всё покрывалось сероватым налётом, и существовали только длинные размеренные мысли.

Вот захлопали двери. Кончился рабочий день. Она оставалась одна. По технике безопасности не положено. «Но не сидеть же с этой Зиной. Ещё, не дай бог, начнёт рассказывать, сколько её муж выпил да как ругался. И как трогательно всплакнёт – очень интересно. А помощников больше нет и не предвидится, если вообще меня не прикроют».

Сквозь пыльное окно было видно спешащих к проходной. Прошли лаборатории, теперь КБ – все знакомые, с которыми проработала много лет.

В цеху стало тихо. Пересменок. Она спустилась вниз. Открыла дверь. Почувствовалось лёгкое движение воздуха. Снова вернулась к стенду. Проверила приборы. Поплотнее вдавилась в свой стул. Мысли лениво возвращались. Вчера и сегодня нелогично смешивалось, запутывалось, но сразу же приходило в стройный порядок, как только Вера Николаевна сбрасывала с себя полудрёму.

Уже спустилось солнце за крышу соседнего корпуса, и в цеху снова зашумели станки. Не хотелось ни шевелиться, ни уходить, ни что-нибудь менять. Да и что можно было изменить?

– Долго ещё сидеть будете?

– Что? – не сразу поняла Вера Николаевна.

– Я говорю: жарковато у вас тут, а сидеть-то ещё долго вам?

– А! Дядя Федя! Всё выключу, не беспокойтесь! Приходите зимой греться, – пригласила Вера Николаевна, припомнив, как бедные охранники мёрзнут в студёные дни в каменной проходной.

– Спасибо, спасибо, непременно воспользуюсь. Так вы, пожалуйста, и закройте, не забудьте!

– Запру, запру и ключ принесу, не волнуйтесь!

Опыт кончался. Вера Николаевна ещё раз убедилась, что температура не ползёт, расходы стоят на месте, и ловко уселась за прибор. Гальванометр будто соскучился по хозяйской руке. Щёлкнул переключатель, и в журнал легли первые цифры. Строка за строкой, строка за строкой, через двадцать минут запись была закончена. «Вот ради чего сидела пять часов, – поду-

мала она с грустью, – а в это время заняться бы чем-нибудь. Здесь ничего не сообразишь – шумно и жарко. Перепоручить некому!».

Она могла позвонить на компрессор, но ей нравилось всегда после окончания опыта пробежаться туда через цех. Мимо шумящих станков, под взглядами рабочих и молоденьких учеников. Она быстро и легко шла по длинному пролёту и чувствовала, что нравится им. Женское тщеславие приятно щекотало. «Всем женщинам необходимо нравиться, без этого нет счастья! Вот что нам надо изучать, бабам!» Она даже улыбнулась своим мыслям. Резко распахнула дверь компрессорной и чуть не уткнулась головой в грудь Георгия Степановича, она ойкнула по-девчачьи, но всё равно ничего не было слышно, и сквозь дикий вой турбокомпрессора одними губами произнесла: «Всё!».

«Ладно», – одними губами ответил Георгий Степанович и под руку вывел её из компрессорной.

– Удачная точка?

– Почему вы решили, Георгий Степанович?

– По глазам, девочка, вижу.

Ей положительно нравился этот человек, массивный, спокойный и такой добрый, что это было заметно всякому сразу и по его голосу с мягким полтавским выговором, и по улыбке, и по рукам. Может быть, поэтому ей приятно было прикоснуться к нему после одинокого сидения на стенде? Теперь можно спокойно возвращаться домой: линию перекроют, а то там тугой вентиль, и у неё не хватает сил его затянуть до конца.

«Старею, видно, – тридцать с хвостиком. Обо всём думаю. Всё рассчитываю. Раньше такого не было. А может, взрослею. Нет, уже поздно. А стареть рано». Она одёрнула свитер и, опустив глаза, осмотрела себя. «Фигура ничего! А!.. Надо домой идти – пора бы и пообедать».

Она шла усталой походкой, и никто не мог сказать, что эта женщина возвращается не домой, а в своё прошлое. Она не замечала ничего вокруг и думала о том, что хоть «жизнь прекрасна», у неё, Веры Николаевны, она не удалась.

Вера Николаевна! Верочка до сих пор не могла никак привыкнуть к этому. Она всё ещё была девочкой, ну, девушкой, но не Верой Николаевной.

Снова выплывала война, эвакуация. Вообще-то говоря, они жили неплохо по тем временам. Отец, профессор, преподавал в институте, а мать, как всегда, сидела дома и следила за ней, Верочкой, единственным ребёнком в семье.

В конце сорок четвёртого они вернулись домой. Холодная квартира казалась таинственной, пришедшей из другого века. До сих пор она будто чувствовала запах этой пустовавшей несколько лет квартиры. Всё было туманно знакомо, будто с полузабытой картинки, и в то же время казалось новым и неожиданным. Бронзовые бра и огромные с высокими резными спинками стулья.

Потом кончилась школа. Она без труда поступила в институт, пусть не модный, но который давал хорошую специальность. Училась она легко и не задумываясь, почему решила стать инженером. Скорее у неё были гуманитарные наклонности, но имя отца приоткрывало ей двери в технические вузы. «Инженером быть – всегда кусок хлеба», – говорила мать, и Верочка пошла в инженеры, она привыкла, что родители правы, на то они и родители, чтобы решать такие сложные вопросы. В конце концов, всё равно.

Она любила жизнь студенческую – весёлую, с неожиданными поворотами. Общительная, способная, быстрая и на язык, и на дела, Верочка обращала на себя внимание. Нельзя сказать, что она очень красива, но что-то было в милой улыбке, ровном, чуть вздёрнутом носике – вообще большой редкости – и глубоких серых глазах. Поклонников хватало. Потом выбрали в комитет комсомола, и она стала засиживаться в институте допоздна.

Однажды всем курсом поехали в колхоз на картошку. Здесь даже через столько лет война ещё проступала из всех щелей, и Верочка впервые в жизни столкнулась сама с настоящими

трудностями. Не отступала, но ничего не умела. Надо было так организовать работу, чтобы помочь колхозу и чтобы ребята были сыты и тоже хоть немного заработали. Жилось многим тяжело – на одну стипендию да частные уроки.

Верочка не была готова к такому обороту. «На месте помогут» оказалось пустыми словами, как и говорила всплакнувшая перед её отъездом мать. Верочка стала горько жалеть, что согласилась поехать во главе бригады. Вот сидела бы, как все, у костра по вечерам, бродила бы по лесу в воскресенье, и никаких забот. Даже отдохнуть можно. А тут крутись!..

Она вспоминала обо всём отстранённо, будто и теперь, и тогда всё это её не касалось. Она не волновалась: что же будет, она переживала, что должна бегать, суетиться, хлопотать – это было не по ней.

Председатель, молодой парень лет тридцати, пытался с ней договориться. Намекал и так и сяк, тогда и тебе, мол, неплохо будет, и у ребят всё, что надо, появится. Верочка догадалась и оборвала его в самом начале. Он понял, что все старания напрасны, и перестал обращать на студентов внимание. Дождь заливал их в дырявом сарае. От одной картошки и черняшки в животах неимоверно урчало. Настроение было прескверное.

Верочка даже сейчас поёжилась. А тогда совсем было отчаялась. Она вспомнила и усмехнулась: хотела писать в институт, просить помощи.

Помощь оказалась рядом, в соседнем колхозе, где работали ребята из другого института.

Бригадир, невысокий, плотный Юрка, быстро сообразил, в чём дело. Верочка ему понравилась сразу, это он потом уж говорил, поэтому и помочь взялся. Отношения с председателем наладили. Купили водки. Пошли к нему домой и просидели всю ночь до утра. Игорь говорил, они слушали. Он оказался сам городским, а здесь по партийной путевке. В институт опоздал: война, потом кормить семью надо. Парнем он был добрым, и после разговора всё действительно переменялось, хотя за долгую ночь ни слова не говорили о делах.

Верочка не успела поблагодарить Юру, как-то так получилось, что он вроде бы должен был ей помочь. Снова в её жизни нашёлся человек, который мог решать сложные вопросы.

До студенчества это были родители, а потом она, сама того не сознавая, искала кого-то, кто мог бы стать её проводником на крутых перевалах. Это она потом поняла и сама себе объяснила, а тогда всё совершалось инстинктивно, действовала привычка кому-то довериться.

Со стороны посмотреть: самостоятельная, весёлая, уверенная в себе оптимистка, но за ней всегда кто-то стоял.

Юра оказался как раз таким человеком, какой был ей нужен. Он помогал ей, не ущемляя её самолюбия, но стоял на своём всегда уверенно и не отступал.

К её удивлению, мама не возражала против их женитьбы. Отец же, как всегда, сказал: «Лишь бы тебе было хорошо».

Им отвели одну из двух комнат, и, кажется, началось настоящее счастье.

Единственное, чего боялась Верочка и на что осторожно намекала мать, что «пойдут» дети. Она в душе пугалась этого и стыдилась сама себя. Ей хотелось «пожить», кончить институт, а уж там видно будет. Они один раз поговорили об этом с Юрой, стесняясь друг друга, поговорили в самом начале и больше не заикались.

Юра закончил институт, его оставили на большом заводе, и к тому времени, когда Верочка защищала диплом, он был уже руководителем группы в лаборатории, звал жену к себе, но она наотрез отказалась и попала в КБ отраслевого института. Просидела за кульманом несколько лет, работа её не интересовала, и разговоры о призвании были явно не к месту, но переменить что-нибудь было трудно. Её уже затянуло.

И в семейной жизни всё шло своим чередом.

Год был похож на своего предшественника, как близнец.

Одно событие всколыхнуло их семейную тишину – Юра купил машину. Это случилось лет семь назад.

Верочка привычно думала о себе, то в третьем лице, то переходила на собственное я. В последнее время это вошло в привычку: вот так идти без особой цели, не спеша, и думать о чём-то очень конкретном, вспоминать. Она разучилась мечтать, а может, и не умела по настоящему.

Да, как здорово было дожидаться отпуска и отчалить от всех своих дел и забот, и знать, что ты ничем не связан и что все дороги ведут к твоей радости, к новому! Что же могло сравниться с таким удовольствием!

Всё очень удачно складывалось! Не верилось, что так бывает! Подруги ей завидовали, говорили, что у них образцовая семья...

Детей не было. Теперь уже против их желания. Они стали тяготиться этим. Верочка решила на обследование, после которого ей назначили лечение. С тех пор они часть отпуска обязательно проводили на юге, где Верочка брала грязевые ванны.

Она всё чаще замечала жадные взгляды мужа на чужих детей, и то, как он тяготеет, что в их доме пусто. Он никогда не говорил ей об этом, и она была ему благодарна. Потихоньку плакала. Переживала.

Верочка остановилась и внимательно смотрела, как мужчина с ребёнком на руках бегом спешил к автобусной остановке.

Дверь захлопнулась. Автобус выпустил облако сизого дыма.

Ей однажды приснился такой сон, она его хорошо помнила: будто они шли с Юрой по улице, и вдруг он отбежал в сторону, схватил чужого ребёнка на руки, стал его целовать, быстро-быстро что-то говорить ему на ухо, потом обхватил его руками, заслонил полкой пиджака и стал поспешными шагами удаляться. Дальше, дальше, пока совсем не исчез. Она пыталась догнать, не могла, что-то держало её сзади, и она не сумела преодолеть эту силу...

С того момента она поняла, что муж уйдёт, и ей никак не удавалось отделаться от навязчивой мысли. Вероятно, Юра почувствовал это, она стала замечать разные мелочи, непривычные ей в его поведении, но внешне ничего не изменилось. Только что-то заставляло её сжиматься и жить настороженно.

Она приготовилась к тому, что скоро всё кончится. Это «скоро» затянулось, хотя, возможно, ей так казалось. Никто не решался заговорить первым.

Внезапно умер отец. Верочка сильно переживала. До последнего часа он оставался самым близким и верным её другом. С ним она могла говорить обо всём, посоветоваться и помолчать, попечалиться и поплакать...

Юра ухаживал за Верочкой, как за маленьким ребёнком, а когда первая боль прошла, как-то само собой получилось, что он сложил в чемодан свои рубашки, взял костюм, сел в машину и уехал.

Верочка не плакала, всё оказалось значительно проще, чем представлялось.

С тех пор прошло полгода...

Она уже спешила домой: задержалась, мама волноваться будет, а раньше она бы сказала: «Юрка будет психовать!».

В начале каждого месяца, невзирая на день, ровно в десять часов утра начальник лаборатории проводил производственное совещание. Те, кто работал с ним не первый год, знали об этом правиле. Опаздывать было неприлично. Все заранее приходили в просторный прохладный кабинет со своими стульями и старались выбрать место поукромнее, чтобы при случае спокойно поскучать.

Сергей угодил прямо на полный сбор. В первый день после отпуска это было совсем неплохо.

Ровно в десять Борода встал во весь свой двухметровый рост и низким, сипловатым, но приятным голосом спросил, как всегда:

– Все в сборе? Тогда начнём.

Потом он сел, и вскочила профсоюзная дама, профорг лаборатории, она же председатель всех производственных совещаний.

Сергей уже знал заранее, о чём она будет говорить, и о чём будет говорить Борода, и о чём будут потом говорить руководители групп, и ему стало скучно, до тошноты, сидеть здесь и слушать всю эту болтовню, произносимую с умным видом, разбор мелких дрызг с иезуитски вежливыми улыбочками. Ему казалось, что здесь каждый раз плохие актёры разыгрывают бездарную пьесу.

Сначала он смотрел, как ищут себе место в огромном аквариуме барбусы и нигде не могут найти заслона от света лампы, греющей воду. Потом заболели глаза, и он пытался прочитать, что написал на стёклах дождь...

Он снова никак не мог взять в толк, зачем должна терять целая лаборатория столько времени ради галочки «провели производственное совещание». Ведь все эти дела и споры начальник мог привести в порядок, не прибегая ни к чьей помощи, как, впрочем, всё и происходило, только при полном сборе, здесь...

Перед отпуском он уже смирился, а теперь всё снова начинало его раздражать. «Видно, отвык», – соображал Сергей. Он принялся рассматривать лица сидящих. Некоторые оборачивались на его пристальный взгляд.

Будто совершенно отсутствовала лаборантка Нина. Она что-то беззвучно произносила губами и перебирала пальцами полу халата. Остекленевшим взглядом уставилась в одну точку Вера Николаевна. Новые аспирантки незаметно опускали глаза в недочитанную статью... Зато, как всегда, суетились люди, неприятные ему, малоинтересные, туповатые и надутые.

А вот его первый шеф в лаборатории, Иван Николаевич, милый человек. Теперь он парт-орг института и между делом старший научный в лаборатории. Он сидел хмуро и, как показало Сергею, тоже думал о чём-то своём. Иногда досадливо проводил рукой по щеке и быстро писал на сложенном листке бумаги.

Наконец начали разбирать выполнение плана по темам. Ответственные исполнители, все будто сговорившись, в заключение своего выступления говорили, что не хватает людей. И снова приходилось тасовать двадцать пять человек, штат лаборатории. Вернее, тасовали пятерых-шестерых, остальные были при деле, а лаборантов, как самых дефицитных людей, бросали в прорыв.

Случай благоприятный. Сергей теперь не сомневался, что Вальку возьмут, единицы были. «А то вот наобещал парню, хоть бы не натрепаться зря». Неожиданно его самого временно перебросили на самый отстающий участок, к Вере Николаевне. До конца года надо было решить: стоит продолжать эту тему или направление бесперспективно. Его даже спросили, согласен ли он. Сергей встал и пожал плечами – раз надо, о чём разговор. С одной стороны, ему, конечно, было досадно, что его бросают на подмогу, что снова он будет сидеть без своей темы, хотя он понимал, что получить «свою» – это ждать годами. Вот многие так досиживают до своего часа, а когда он настаёт, они уже перегорели, успокоились на своём второстепенном месте, обросли уютом и дома, и на работе, и им совсем не хотелось пускаться в новое неведомое плавание лодочником, а не простым матросом, исполняющим чужие команды.

С другой стороны, ему льстило, что его бросают на подмогу, что ему доверяют. Ведь он ещё молодой специалист! Его обрадовало это доверие, но он тут же над собой посмеялся, что клюнул на красивую фразу. Ему стало досадно из-за своих мальчишеских порывов доверчивости и из-за того, что он включился в эту игру.

Ведь все знали, что тема, о которой шла речь, кончается в этом году, и никто не продолжит договора, хоть наизнанку вывернись, хоть гениальные результаты представь. Впрочем, насчёт гениальных...

«Только прилачился на одном месте – бросили на другое. Теперь только вник – снова. Вот уже третий раз. Опять привыкать. Опять всё с начала. Опять новое начальство...»

После совещания Сергей не пошёл первым к своему новому начальству. Он исподволь наблюдал, видел, что Вера Николаевна хочет подойти к нему, но ей было неловко при всех не соблюдать субординацию, а в нём противилось мальчишеское упрямство. Начало складывалось явно не в его пользу. Так отношений не наладишь, это понимал Сергей, но медлил, и чем больше времени проходило, тем труднее было ему заговорить.

Так они и разошлись, ничего не сказав друг другу.

Только возвращаясь с обеда, столкнулись в проходной и заговорили просто и непринуждённо. Но каждый чувствовал напряжение момента.

– Новым курсом к вершинам науки, – сказал Сергей, пропуская вперёд свою начальницу.

– Зачем же вы так? Если вам не нравится, не по душе, всё можно переиграть, но мне казалось, что так будет лучше.

– Кому?

– Вам, конечно, – удивилась Вера Николаевна.

– Спасибо. Я тронут! Главное – любить ближнего, как самого себя.

– Хорошо, я поговорю с Фёдором Викентьевичем.

Она замолчала. Они шли по цеху, и Сергей обратил внимание, что рабочие оборачиваются в их сторону. «Красивая, чёрт», – подумал он.

– Не надо! Красивый, но бесполезный жест, – добавил он, продолжая разговор, – я в вашем распоряжении.

– Когда освободитесь – скажете! – зло отрезала Вера Николаевна.

– От собственного мнения или от прежних занятий? – в тон отпарировал Сергей.

– Завтра с утра поговорим. До свидания.

– Если разрешите, ещё два слова.

– Слушаю вас...

– Есть прекрасный помощник вместо Зины. Мой знакомый парень. У Бороды единицы есть, а вам нужен хороший лаборант, всё кстати. Так будет лучше.

– Для кого?

– Конечно, для вас, – невозмутимо сказал Сергей, – ведь тема-то ваша.

– Спасибо. Как его фамилия и что он умеет?

– Ничего не умеет, но этого Бороде можно не говорить, зато у него здесь – полный порядок, – Сергей постучал пальцем по голове. – Будет делать всё, что нужно. Переходит в вечернюю школу из дневной в десятый класс. Ручаюсь, не пожалеете...

Сергей уже сам жалел, что наговорил Вальке. Что ему теперь приходится улаживать новую начальницу. Для себя бы не стал просить. Вообще на душе стало скверно, будто он натворил что-то уж очень постыдное. И Нины в городе не было, она укатила в Среднюю Азию на практику. Неизвестно даже, когда вернётся. Может, хоть к ноябрьским праздникам.

«А чёрт с ним, с новым назначением, по крайней мере, что-то новое узнаю и Вальку устрою без потерь. Только бы эта Вера Николаевна обошлась без мелочной опеки, а остальное уж как-нибудь. Полгода – это не срок. После Нового года тему прикроют, и снова перебросят.

Надо позвонить Витьке. Он человек практичный, да и никого, пожалуй, сейчас больше не найти, все ещё в отпуске».

Сергей получил полную свободу на новом месте. Он целыми днями возился с приборами и незаметно близко сошёлся с Валькой. Ему нравился этот парень своей рассудительной недоверчивостью и спокойствием. Он был в меру общителен, не заискивал и вёл себя так, будто был уверен, что это место, младшего лаборанта, именно для него предназначено, или, наоборот, он предназначен для этого места, а потому все поручения выполнял охотно, но всегда спрашивал, для чего это нужно. После Зины такой лаборант был в диковинку для Веры Николаевны, а заин-

тересованность парня заставляла особо обдуманно отдавать распоряжения. Впрочем, больше они работали вдвоём: Сергей и Валька. Работы хватало. Надо было ещё раз проверить всё термометрическое хозяйство, исправить, что сделано плохо, отладить приборы. Потом, когда есть уверенность в подсобном оборудовании, можно будет делать какие-то выводы относительно самой модели. Проще перепоручить всю работу по наладке специальному отделу КИП, но это долго, и неизвестно кого пришлют, а то потом придётся всё переделывать или искать ошибки. Искать ошибки – лучше всё переделывать заново. Так и поступил Сергей: он, правда, не перепайвал всё подряд, но не оставил без внимания ни одного спая термопар, ни одного подвода труб. Вера Николаевна не препятствовала, хотя шло время, а она сказала Сергею, что всё приборами отлажено. Оказалось, что доделок хватило на полторы недели.

За это время Сергей узнал, что Валька весьма начитан и не так бессистемно, как он сам, что он неплохо знает поэзию, хотя мало помнит наизусть, что наверняка лучше, чем он сам, знает эстраду и умеет танцевать. А ещё Сергей узнал, что живут они вдвоём с мамой, что отец ушёл и что мамина идея фикс – чтобы Валька обязательно поступил в институт.

«Трепло немного, – думал Сергей, – но в его годы это прощительно. Я тоже был таким, наверное». Он прикинул, что лет на семь старше своего подопечного, и присвистнул даже: «Старик я. Скоро двадцать пять стукнет».

- Слушай, Валька, а ты не вундеркинд?
- Нет, наоборот!
- Что наоборот?
- Иванушка-дурачок!
- Э, брат, тогда завидую, может, тебе легко живётся?
- Очень!

Или Валька, казалось, был старше своих лет, или они были другими в девятом, теперь уже в десятом, классе. Он сравнивал в уме ребят и тогдашних их знакомых девчонок, и всё выходило в пользу нынешних. С тех пор как он окончил школу, Сергей не задумывался, «а какие они, те, что после нас?». Теперь невольно натолкнулся на это, и ему было интересно. Эти, новые, знали много такого, о чём они не имели тогда представления. Техника, информация, век вооружал их для новой жизни раньше, чем поколение Сергея. «Другое поколение!» Вот что удивляло и заставляло задумываться над этим Сергея. Они из разных поколений. «Неужели мы более косные, хотя и молодые?» Молодые – тоже было относительно для Сергея. «А Эйнштейн? Так он же гений! А Ландау? Так он же выдающийся! Но ведь они не были ни гениями, ни выдающимися в свои двадцать пять! Хотя... наверное, были. Может, и мы посчитаем кого-нибудь потом гением, а пока это приятель, которого, кажется, знаешь лучше, чем себя». Такие споры Сергей вёл сам с собой бесконечно.

Вера Николаевна вроде была довольна своими подчинёнными, впрочем, пока что ей не пришлось ими командовать. Она занималась подсчётами и какими-то поисками, а ребята сами искали грехи прибористов. Вера Николаевна хотела ещё раз убедиться, что выбранная ею методика верна. Надо было идти к цели методом исключения: методика верна, всё смонтировано правильно, опыт проведён корректно – значит? Значит, не годятся эти конструкции аппаратов, а может, и сам принцип, по которому они построены, а может, неправильно преподнесены, поняты полученные данные... Вариантов хватало, но необходимо было исключить все очевидные причины сомнений. Этим она и занималась, отдав «железки» на откуп своей остальной группе, Сергею и Вальке.

Сергей вспомнил, как Виктор допытывался, на что ему дался этот мальчишка, имея в виду Вальку.

- Интересно, – говорил Сергей, – парень занятный. Воспитаю, помощник будет.
- Ну, я понимаю, уж девчонка была бы, есть цель воспитывать, а так на что он тебе? Ты его воспитаешь, а он тебе потом ручкой сделает. Помощник!

– А ведь женщина мне скорее ручкой сделает!

– Психолог! Девушка! Нежное создание, воск, из которого можно лепить! Не помнишь классику.

– Помню! Только кто из кого лепит? А ты знаешь нынешних девушек? Ты же всё больше в обществе вдовушек!

– А кроме шуток, непонятное шефство. Или он твой дальний родственник?

– Все мы родственники! Познакомились просто, и всё!

– Идеалист...

«Зачем я с ним правда возжусь? На работу его устроил.

Теперь опекаю, учу уму-разуму. А может, и неправильно учу, да и какое имею я право его учить? Но ведь чему учу? Объективным вещам: это прибор, это термопара, это провод, он всё равно их должен постигнуть, не принимая ни за какую науку, ведь дети не думают о том, что они учатся, когда начинают говорить, – это естественно для них. А парень мог спокойно учиться в дневной школе, может, я хуже ему сделал. Но ведь не насильно же? Да бог с ним, он и не видит во мне опекуна. Я не столько и воспитываю его. По крайней мере, будет знать, что такое научно-исследовательский институт, не полезет в вуз так вслепую, как я, например. Уже хорошо. Хватит об этом раз и навсегда. Будем считать, что не я его привёл, а Борода прислал к нам в группу. Меня прислал и его прислал».

– Сколько раз мы уже перепаивали эту термопару, – ворчал Валька.

– Тебе за это деньги платят, привыкай передельывать, пока не сделаешь!

– Время жалко. Мы же торопимся.

– Это точно. Но такая работа даёт возможность подумать, если попусту не чесать языком.

– Намёк понял.

– Ты знаешь, Эйнштейн работал в патентном бюро, а что открыл?

– Может, нам тоже податься в машинистки или в писаря?

– Тебе, пожалуй, можно, но рановато, а мне бесполезно!

– Сергей, извини.

– Ничего, бывает, особенно с непривычки.

Чем больше Вера Николаевна погружалась в материал, тем больше она убеждалась, что шла по неверному пути. Отчасти это случилось потому, что, когда работа начиналась, она выбрала наиболее испытанную методику эксперимента, поскольку опыта у неё не доставало, и она хотела хоть с этой стороны оградить себя от ошибок. Но опасность подстерегала именно с этой стороны. То, что все пользовались этой методикой, ввело её в заблуждение, потому что, если разобраться, многим такая методика не совсем подходила. Но над одними довлела инерция, они уже пользовались такой методикой, и им она казалась самой подходящей для новой работы. Другие не решались браться за поиски, когда сам имярек в похожей работе пользовался такой методикой, третьим не хватало знаний на то, чтобы найти что-то и приспособить к своим опытам. Они пользовались готовыми решениями и разработками. Всё это можно было понять только при ближайшем пристальном знакомстве, а Вера Николаевна поверила внешнему – громадной распространённости этой отработанной для многих случаев методики. Она по неопытности не учла тогда, что ей придётся мерить температуру стенки, а это даёт огромные ошибки, которые могут настолько исказить истинную картину, что нельзя будет сделать никаких выводов. Она в силу своей неосведомлённости не знала, что несколько исследователей уже потерпели фиаско на этом пути. Никто ей не подсказал вначале. Всё начиналось очень хорошо. На бумаге фигурировали значки температур, которые теперь, в эксперименте, невозможно было получить с той точностью, которая нужна была для того, чтобы данным работы можно было верить.

Когда работа начиналась, Вера Николаевна об этом не знала, когда работа пошла, ей некогда было об этом думать, когда стали накапливаться данные, оказалось, что они мало при-

годны для обработки, – это вылезала наружу начальная ошибка. Что ж, такие случаи в исследовательской практике нередки. Вера Николаевна всё понимала умом, но сердцем не хотела с этим согласиться. Она ещё и себе не признавалась в этой роковой ошибке. Ей было досадно теперь, что все в лаборатории так мало интересовались её работой, в том числе и Борода. Собственно говоря, он мог и не знать об этой трудности, мог не быть провидцем, не обязан был вникать в технологию эксперимента, ведь это не детский сад. Она не за это на него обижалась теперь. Но он действительно мало интересовался её работой в самой её сути, и это давало ей моральное облегчение, за все два года и поговорили-то, наверное, раз пять-шесть. «А разве это мало?» – задавала она себе вопрос и не могла на него ответить. Есть исследователи, которые, как путеводной нитью, пользуются своей интуицией, шестым чувством, которое и отличает их от простых исполнителей. Может быть, это то, что называют талантом. Они идут напролом, но не сломя голову, а потому что знают: там лежит искомая истина. Они находят самые короткие пути именно потому, что чувствуют: точка назначения там, вот в этом эксперименте, в этой постановке задачи, в этой области. Уверенность служит строительным раствором, ассоциации – путеводными маяками. Внешне всё спокойно, но внутри уже идёт работа, уже зреет зерно, которое потом даст ростки исследования. Правда, подчас цель оказывается слишком мелкой, подчас она лежит вне области, в которую следовало бы попасть, стрелки называют такое попадание «в молоко», подчас попадание приходится точно на пробитое кем-то отверстие в мишени. Это называют либо счастливым совпадением, если открытия сделаны одновременно, либо изобретением велосипеда.

Нет, Вера Николаевна не была таким исследователем. Она в душе знала это, но никто её не вынуждал заявлять про своё «открытие» во всеуслышание. Если бы она оглянулась, то пересчитала бы по пальцам таких людей, настоящих исследователей, среди знакомых. Впрочем, для этого не нужно было особой сноровки, это мог сделать, пожалуй, любой знавший их человек. Исследователем надо родиться. Вера Николаевна исследователем стала.

Чем больше Сергей возился со стендом, тем яснее становилось ему, что для скорейшего успеха работы необходимо отказаться от принятой методики. Всё равно ведь погрешность замера будет одного порядка с самой величиной, что же тут скажешь? «Неужели она этого не понимает? Или не может отступить теперь? Ведь ещё есть время, если как следует взяться, можно успеть за два месяца, ну, за три продуть несколько моделей! Странная женщина! Это же в её интересах, а то закроют тему, и будь здоров! Надо бы ей сказать. Но как?»

Сергей чувствовал, что встретит сопротивление и что нельзя ей сейчас говорить об этом. Он бы не мог объяснить, почему он так думает, но уже был уверен, что решил правильно. Между тем время шло, опыты на налаженном стенде не дали больших сдвигов в лучшую сторону, и было бессмысленно дальше проводить эксперименты, которые не давали нужных результатов.

Верочка пришла домой и почувствовала, что смертельно устала. Устала от этого бесконечного ожидания результатов и от бесплодности этого ожидания. Устала от семичасового чтения и круглосуточной работы мозга. Ей казалось, что она не ложилась спать, как только утром открывала глаза. Она устала от того, что непрерывно сама себя терзала упрёками: зачем взялась, сидела бы в КБ, куда полезла... А сегодня ещё этот визит к профессору. «Он прав, тысячу раз прав». Она присела к зеркалу и посмотрела на себя: да, я плохо выгляжу, и морщинки от глаз совсем не от мудрости, а от старости. Она сжала щёки ладонями, лицо сморщилось, сплющилось – это насмешило Верочку. Она улыбнулась чему-то очень детскому, вечному и полузабытому, потом уронила голову на руки и заплакала. Тихо и легко заплакала, как ей давно не доводилось.

«Девчонка, как тебе не стыдно. Залезла в чужой огород, спутала, так что ж такого? Выбраться и выйти на дорогу к дому как можно скорее. А профессор ведь сказал, что дорога

там, а вот „еду не на том номере автобуса“. Может быть. Может быть. Для чего я к нему пошла? Чтобы убедиться, что не права, или чтобы найти верный путь? Но ведь он мне ни того ни другого не сказал. Он сказал, что если удастся очень квалифицированно поставить замер температуры, то и такой путь хорош. Значит, я не ошиблась, а виноваты те, кто не может создать мне необходимых условий замера температуры. Верно. Но ведь мы и сейчас знаем, как долететь до Марса, а пока что не летим, потому что нет технической возможности. Нет технической возможности, значит, я схоласт и мечтатель. Выдумщик. А может быть, ещё всё получится? Но ведь он сказал, что есть и другие возможности, и другие решения, надо только посмотреть в литературе и применить готовые математические решения к моему случаю. Даже литературу дал». Она смотрела на себя в зеркало. Смотрела и не видела ничего. Перед ней снова проходил весь разговор с профессором, её старым учителем по институту и близким другом отца. «Заходите, конечно, заходите». «Но ведь он стар уже. Стар и на пенсии, и может, что-нибудь новенькое появилось, а он и не знает совсем об этом. И снова я поеду не на том номере автобуса».

Она пристально взгляделась в себя. «Постарела, Ве-ерка! Ещё немного – и бабий век. Всё теперь тебе сложно: начинать сначала и возвращаться. Да и что начинать? Жить? Экспериментировать?»

Ещё раз провела ладонью по лбу. Разгладила морщины и долго-долго смотрела себе в глаза, пока не стало подёргиваться туманом её отражение в зеркале и всё, что стояло за спиной. Она тряхнула головой. Показала себе язык, самый кончик, так они дразнили друг друга девчонками. «А я ещё ничего, а?.. Утро вечера мудренее. Завтра надо последний раз попробовать и, если снова ничего не выйдет, бросать. Нельзя так, чёрт с ней, с методикой. Ну, закроют тему. Чёрт с ней, с темой. Надо же себе хоть доказать, что смогла что-то сделать. Пошла бы после института в лабораторию, не порола бы теперь такую галиматью!»

Ей не стало веселее и легче на душе. Стало только определённой и, наверное, горче, и не с кем было об этом поговорить. Совершенно не с кем. Все её подруги в детях, в заботах, ну, куда теперь идти на ночь глядя, без предупреждения? А все приятели посчитают, что она сошла с ума, если вдруг позвонит или скажет, что ей надо поговорить насчёт работы, или в ресторан пригласят. Ну, что же, вечером опять о работе? Пригласят выпить, потанцевать – всё, что угодно, а заодно и о работе. Что она – не пробовала разве?»

Она пробовала. А друзей настоящих не было – приятели. Теперь и приятелей разделили: это мои, это Юркины. Чёрт-те что! Да и с мужем ей бывало о работе трудно говорить. Но она не хотела сегодня вспоминать ни о муже, ни о приятелях, ни...

«Сама заварила, сама разберусь». Раньше она так никогда не только не говорила, но и не думала.

Прошла ещё неделя, может быть, две, может быть, три. Сергей не замечал времени. Каждый опыт был похож на предыдущий. Хотя с его приходом результаты стали более логичными, всё же они были слишком разбросаны и при повторении опыта получались разными. Они не воспроизводились. Значит, результатам нельзя было верить. Нельзя было установить никакой закономерности, хотя принципиально вполне очевидно, что точки должны выразить определённую, заранее известную по характеру закономерность, но в том-то и дело, что и необходимые практические числовые показатели при такой точности, которую давали опыты, использовать не было никакой возможности.

Сергей, пожалуй, догадывался, что Вера Николаевна сомневается в нынешней методике, но молчал. Он сам сомневался в своей правоте, но прикидывал, что, если воспользоваться принципиально отличным способом, можно, очевидно, незначительно переоборудовав стенд, хотя бы убедиться быстро, что прежние результаты неверны, а новые полученные логичнее и точнее.

Он просмотрел литературу, в которой излагались теоретические основы иного метода, и прикинул, что для корректного проведения экспериментов придётся солидно повозиться

с математикой, ввести поправку, иначе в каждом результате будет постоянная ошибка из-за того, что не учтены конкретные условия опыта. Но он прикинул также, что, для того чтобы убедить в пригодности новой методики для их случая, можно ничего предварительно не делать с математическим аппаратом, а только перемонтировать схему замера температур.

Впервые ему пришлось так самостоятельно разбираться в тонкостях научного эксперимента, и поэтому стройность и логичность всех рассуждений и выкладок насторожили его. Он уже по своему маленькому опыту знал, что с самого начала огорчают неувязки, не говоря уже о том, что в науке вообще часто приходится перестраиваться на ходу.

«Нет, здесь что-то не так, наверное, – думал Сергей, – слишком всё гладко получается, вероятно, чего-то не учёл. Или ошибка в результатах будет значительно больше той, которую я предполагаю».

Он в конце концов после всех сомнений пришёл к той же мысли, что и Вера Николаевна: надо с кем-то посоветоваться. После долгих раздумий решил, что самая подходящая для этого кандидатура – сама Вера Николаевна. Действительно, она руководитель группы, человек, очевидно, опытный, почему бы не изложить ей свои сомнения по работе, которую они делают сообща?

Нет. Он никак не мог себя уговорить обратиться к ней. Тогда к кому же? К Ивану Николаевичу.

Иван Николаевич, пожалуй, подходил по всем статьям, кроме одной: у него начал работать Сергей, когда пришёл в лабораторию. Вроде бы на первый взгляд это упрощало разговор. Справедливо: они были в прекрасных отношениях. Но, с другой стороны, Сергей боялся, что разговор не получится, потому что о нём потом могут узнать в лаборатории, и пойдут нехорошие разговоры, слухи. Ведь когда Сергея забирали от Ивана Николаевича, оба они были недовольны. Пошли тогда к Бороде, но тот не изменил своего решения, и Иван Николаевич обратился к заместителю по науке института, но дело тоже заглохло, и его перекинули на горячие испытания, людей не хватало.

Объяснялось всё просто: Павлова Ивана Николаевича выбрали секретарём партбюро института, а поскольку он отказался быть освобождённым, оставили ему одного лаборанта и одного аспиранта для продолжения научной работы, хотя предупредили, что ещё никому до него не удавалось совместить два этих дела. Иван Николаевич просил оставить Сергея, поскольку он уже в курсе дела и «парень с головой», но...

Теперь к их разговору могут примешать разные мотивы, кому что вздумается, и на этом сиропе развести сплетню. Так, по крайней мере, думал Сергей. И всё же он решился.

То, что Иван Николаевич парторг института, затягивало их встречу. Поймать его было очень непросто, и чем больше Сергей дожидался встречи, тем сильнее сомневался в её нужности, ему хотелось на всё плюнуть, пусть идёт как идёт, его, что ли, дело. Он молодой специалист, а тут солидные люди. Тема и разработки для проведения опытов утверждены и начальником лаборатории, и замдиректора по науке, чего соваться. Без него обойдутся.

Но какой-то червь уже точил его изнутри, и ему хотелось не только убедиться в своей правоте, но и поскорее получить «свою» первую точку, и повторить её, и доказать самому себе в первую очередь, что он прав, что он что-то понимает, что он не зря учился этому. Из ничего сделать что-то!

Да, но Иван Николаевич был неуловим. Его недавно выбрали. Лето, как говорится, «мёртвый сезон», все в отпусках, теперь закипела работа. Он и в парткоме бывал редко, а если и сидел, то не в тиши кабинета, а в окружении людей. Дел у него, оказывается, хватало: партучёба, распределение квартир, подготовка к выборам, сессии в райкоме... Обо всём этом Сергей узнал у Зиночки, секретаря-машинистки. Она печатала, не глядя на лист бумаги, и лишь иногда наклонялась к написанному от руки, чтобы разобрать мелкие буквы почерка Павлова. Печатала и разговаривала. «Уехал на агитпункт. В три заседание, а сейчас он у директора. Зав-

тра с утра в райкоме». Она роняла слова небрежно и точно. Повторяла, не сердясь, а на особенно нетерпеливых смотрела такими ангельскими голубыми глазками: «Занят человек, занят. Разве вы не понимаете, он на партийной работе».

Пришлось стать детективом. Валька разработал план. Он сидел у окна и сторожил, не пройдёт ли Иван Николаевич. А когда наконец высмотрел, Сергей опрометью бросился к проходной. «На перехват», – как сказал Валька.

Сергей возвращался на стенд и думал, что Валька в жизни преуспеет, на всё у него природная хватка.

– Договорились? – встретил его Валька.

– Сегодня после работы – другого времени нет.

– Ещё лучше: без посторонних глаз.

– Ты считаешь, что так лучше?

– Сам же говорил, что не хочешь, чтобы в лаборатории знали. А ты что – украл, что ли?

– Нет, но всё же...

– Щепетильничаешь. А сколько мы электричества зря жрём! Воздух ведь гонять надо и печку греть надо, и приборы горят весь день, да и зарплата нам идёт...

– Молодец, парень, мыслишь по-государственному! Вот и я говорю: что зря печку греть?!.

– Смеёшься? – обиделся Валька.

– Нет, просто я очень жизнерадостный.

Вечером того же дня Сергей ждал Ивана Николаевича в лаборатории, в комнате, где они раньше работали.

Иван Николаевич устроился за своим старым столом, и по тому, как он перебирал папки, открывал и закрывал ящики, чувствовалось, что сидеть ему здесь приятно. Он вздохнул. Потом снова выдвигал ящики, и было ясно, чего ему жаль: что дела запущены. Тема фигурировала, но не двигалась. «Да, верно говорили, этот год для научной работы пропал».

Однажды он уже то же самое думал, сидя здесь, а детали – самая крепкая память, они несут в себе огромный заряд прошлого. Он вспомнил о неприятном разговоре с Бородой. Когда-то, давно, ещё в институте, он прослушал у него спецкурс и всё понимал, а в тот раз они никак не могли понять друг друга. Борода говорил, что ему нужны работники и живые темы, а не балласт в плане, а Иван Николаевич клялся, что сможет совместить.

«Поверьте мне, – рассердился Борода, – я человек пожилой, вы не сможете совмещать, только нервы себе истреплете».

И неожиданно усмехнувшись, сказал: «Не зря же говорят в народе: и рыбку съесть, и...».

Поговорка была хороша.

Так и разошлись.

Всё это Иван Николаевич вспоминал, перебирая папки, а Сергей сидел напротив и будто чувствовал, о чём Павлов думает. Он сидел и, будто стараясь надолго запомнить, пристально смотрел на рыжеватые волосы, огромный гладкий лоб и неровную кожу лица своего бывшего начальника.

– Ну, ничего, недолго им пылиться, – он даже наклонился вперёд, будто потянулся к Сергею, чтобы передать ему сокровенное. – Так о чём ты хотел поговорить? – добавил он ещё тише.

– Да вот, хотел показать вам кое-какие свои соображения насчёт методики исследования на нашем стенде, – начал Сергей в лоб и положил на стол тоненькую ученическую тетрадь.

– Вот как? – удивлённо произнёс Иван Николаевич.

– Да... Может, вам неудобно, я об этом думал...

– Прости, знаешь, я просто уже отвык немного – ко мне давно с такими вопросами не обращались.

Они говорили долго. О работе, о методике, о жизни, о футболе – всё вперемешку. Сергей вызвался помогать Ивану Николаевичу по старой памяти, а тот в ответ усмехнулся, как когда-

то Борода, и сказал ему ту же самую поговорку. Посмеялись. Потом спорили о программе космических исследований: чья лучше, наша или американская.

Разговаривать им было легко – оба умели слушать.

– А насчёт того, что кто-то скажет, – не обращай внимания, если прав, всего не угадаешь заранее. Может, в этом и прелесть, а то бы заскучали. Методика эта верная, сам с ней возился. Возьми мою диссертацию, посмотри, может, пригодится там что-нибудь.

– Разве?..

– Да, грешен!..

Сергей рассмеялся.

На следующий день Валька устроил допрос Сергею:

– Ну, как? – спросил он вместо «здравствуй» и дальше потребовал всё «в лицах и с подробностями». – Сергей, а это очень сложно? Расскажи, может, я что и уловлю?

Сергей рисовал на обороте диаграммной ленты графики и объяснял Вальке. Показывал тут же на приборах, на стенде и снова чертил. Ему уже виделось всё это не на бумаге, а в деле.

– А ты знаешь, почему она тебе не захочет поверить? – спросил Валька без перехода.

– Ну, почему, философ?

– Она боится твоей силы и никогда этого не признает, вот почему.

Сергей пожал плечами.

– Ты вроде куришь по малолетству и по глупости, дай-ка одну!

– Вот и пригодилось, а ты говорил, бросать надо!

Сергей и Валька сидели и молча курили. Потом Сергей рывком встал и загремел каблуками по металлической лестнице.

Они думали одинаково, но не знали об этом, Сергей был уверен, что чем скорее они возьмутся за новую методику, тем лучше, можно даже успеть до Нового года получить необходимые результаты. Вера Николаевна тоже чувствовала, что надо переходить на новую методику, но оттягивала этот момент всеми силами. Ей было неловко перед сотрудниками, что она столько времени потратила зря, хотя она понимала, что без этого потраченного времени не было бы теперь ясности. Казалось, что теперь и её подчинённые чувствуют её неуверенность. А ещё казалось, что они осуждающе смотрят ей вслед. Она знала, какое недовольство вызовет у начальства её затея перейти на другую методику... Она всё это знала, и всё это не было главным. Главным было то, что она никак не могла решиться оторваться от всего этого привычного, обсосанного и ринуться в какие-то дебри. Искать, а найдёт ли, и где взять столько времени, а что в это время будут делать её подчинённые? Ведь ходила, просила людей! Дали людей, а они, оказывается, теперь ей вовсе не нужны. Ей было неловко, стыдно непонятно чего, хотелось всё бросить, спрятаться за кого-то сильного, как это случалось раньше. Она будто потеряла себя. Ей уже не доставляло удовольствия прийти, как прежде, пораньше утром на стенд, когда в лаборатории ещё никого нет. Открыть стол и щёткой смести невидимую пыль с приборов, потом включить их и, когда засветятся все лампочки, отойти подальше, полюбоваться. В этот момент она испытывала какую-то детскую радость праздничной игры, будто стояла перед ёлкой и смотрела на разноцветные огоньки.

Потом она брала в руки журнал и ровным красивым почерком вписывала число в следующую за вчерашней строку испытаний. Ей представлялось, будто она волшебник, фокусник и делает какие-то только ей понятные движения, чтобы получилось неожиданно для всех прекрасное и необходимое. И её наполняла радость.

Нет, ей не хотелось скорей на работу, когда через проходную ещё не шёл непрерывный поток людей. Ей не хотелось потрогать эти приборы, и она чувствовала, что сама не выпутается. Она закусывала губы, и слёзы просились, но – у неё хватало воли не подавать вида. Никто бы не догадался о её смятении.

А вообще, она была несчастлива и в самом деле. Это не казалось ей беспричинно, как бывает у избалованных людей. Семейная жизнь разрушилась. Она осталась фактически одна, потому что с мамой никогда не была близка, и горе только замкнуло их и ещё больше разъединило. Работа пошла кувырком. Друзья как-то порастерялись незаметно, и не было рядом никого, с кем можно было бы просто поделиться и поговорить обо всём сразу, без оглядки.

Но никто не мог бы догадаться об этом, глядя на неё. Только очень внимательный глаз мог заметить, как она задумывается, уставившись в одну точку, а потом делает резкое движение головой, будто стряхивая с себя нахлынувшие мысли и переключая их на другой лад.

Сергей краем уха слышал, что женщины в лаборатории в чём-то сочувствовали, бывало, Вере Николаевне, но сразу же забывал об этом. Его возраст не был готов для того, чтобы надолго запоминать чужие несчастья.

Его раздражала бесполезность их теперешней работы. Он был совершенно уверен, что надо всё переменить. Но что он мог изменить? Поговорить с Верой Николаевной? А если она не согласится, что, скорее всего, следует ожидать? Да и стоит ли сейчас, когда осталось так мало времени, затевать фактически новое исследование? Ему проще было отсидеть своё время: temu закроют, он вернётся в свою группу.

И Виктор уверял его, что лучше всего в данной ситуации промолчать. Логично, конечно. Но Сергей уже загорелся своей идеей и не мог устоять перед соблазном попробовать всё своими руками. Доводы рассудка не помогали. Он влюбился в мечту и не мог от неё отказаться без борьбы.

Теперь они втроём часто вместе сидели на стенде, хотя в этом не было необходимости. Они как бы искали общества друг друга и смутно чувствовали, что им надо поговорить. Но разговор не получался. Порой спорили о посторонних вещах или обсуждали какую-нибудь второстепенную проблему, но, будто сговорившись, не затрагивали главного, что их волновало.

По странному совпадению, а может быть, в силу сложившихся отношений, всем им казалось, что они давным-давно знают друг друга и работают вместе много лет.

С каждым днём чувство необходимости что-то изменить нарастало, и всё труднее становилось Сергею отважиться, и всё труднее было Вере Николаевне решиться.

Ключ подобрал Валька. Он знал обо всём со слов Сергея. «Был соучастником», и с ещё детской наблюдательностью замечал непонятную ему борьбу. «Из-за чего они оба так переживают последнее время? Ну, она-то ещё можно понять, из-за чего: диссертация, наверное, если тему закроют, погорит. Занервничаешь!

А он-то чего? Ему-то что? Работа и работа, его дело совсем сторона. Или он за неё переживает, так тоже непонятно, по какой причине. Вроде она ему родственницей не доводится?»

Сам Валька не переживал нисколько, но ему надоедало уже изо дня в день заниматься одним и тем же, а когда день кончался, выяснялось, что ничего нового не прибавилось. Он и над собой смеялся: «А мне-то что? Постигаю научную работу: очень увлекательно, очень перспективно и доходно, особенно для младшего лаборанта с окладом в шестьдесят рублей! А впрочем, я большего и не стою!».

Но из чисто эгоистических соображений ему тоже хотелось нового, интересного. Как всякому непосредственному ребёнку, ему быстро надоедали игрушки и хотелось других. А соизмерять свои желания с необходимостью он ещё не научился.

После очередного продолжительного молчания на стенде он спросил, ни к кому не обращаясь:

– А что, долго мы ещё будем так тренироваться?

Вера Николаевна готова была уже вспылить и поставить мальчишку на место. Он иногда раздражал её своей наивностью, граничащей с нахальством. Но Сергей опередил её.

– Ты бы помолчал, Валя, послушай, как воздух на волю просится.

Стенд и вправду издавал монотонный свистящий гул, работали на больших режимах. Они снова замолчали и не сказали ни единого слова до тех пор, пока снова Валька не произнёс:

– Ну, мне пора! – он уходил раньше на занятия.

– Роковым голосом произнёс тренер, – продолжила Вера Николаевна без паузы.

Они остались вдвоём.

Вечером Сергей обнаружил в почтовом ящике письмо от Нины. Она писала редко, не длинно, не коротко. Сначала о работе, о местах, в которых придётся побывать, о жаре, потом вопросы о его работе, о некоторых друзьях, а в конце – что скучает и скоро приедет. Сам он тоже не умел писать писем и поэтому не обижался на неё.

«Сколько ж мы не виделись уже?» Выходило много. Сначала ему казалось, что он от тоски сбежит туда, к ней в Среднюю Азию, потом понемногу успокоился и почувствовал, что хоть Нины и не хватает, но зато появилось много совсем ничем не занятого времени, и что это даже неплохо – немного побыть врозь. Потом Сергей стал замечать, что на свете есть ещё и другие девушки кроме его Нины, и если даже они чем-то и не устраивают его лично, то совсем это не значит, что они плохие. А его Нина всё не приезжала и не приезжала. Писала, что ей там интересно, и что срок практики им продлили, а потом из их института приехала в эти места экспедиция, и она устроила так, что смогла с новыми товарищами остаться ещё на некоторое время и заниматься своей работой. Действительно, стоило воспользоваться таким случаем, когда ещё попадёшь в эти места! Она писала, что там море интереснейшего материала, орнаментов, резьбы и вышивки, и плетения, и рисунков на коврах, и чего только, оказывается, там не нашлось, а кроме того, она немного и подзаработает, а это тоже не помешает.

«Странная она, – думал Сергей, – сколько лет её знаю, а всё никак не привыкну».

Он стал считать, сколько же лет он её знает. Выходило, лет пятнадцать.

Вот Ниночка, милая школьница, лёгкое платьице в полосочку. Она так здорово рисует, так свободно держится и так мило картавит.

Вот Ниночка кончает десятый класс и будет поступать, как и мечтала, в художественный институт на «прикладное» отделение. Она очень волнуется, ей немного жутко, что она такая взрослая, почти самостоятельная.

Вот Ниночка уже студентка. Она стала такой красивой, что на неё обращают внимание. Как приятно быть с ней рядом. От неё всегда пахнет какими-то необыкновенными духами, и одевается она очень интересно, она же в этом спец.

Вот Ниночка Круглова.

А рядом Серёжа. Он всегда удивляется тому, что Ниночке интересно с ним, и всегда её об этом спрашивает. А она так мило смеётся в ответ. Она всегда так смеялась, даже когда он впервые её об этом спросил, а потом, бывало, ещё и расцелует, поскачет на одной ножке и подразнит, совсем как маленькая девочка:

– Серёжка, ты просто прелесть!

Да нет же, прелесть – это она, Ниночка, и она об этом знает, и хочет, чтобы знали все. А почему бы нет? Она молода, и «прелесть», и свободна, и никаких забот, и ребята в неё влюбляются. А сама она влюблена в своё будущее, и всё так удачно складывается.

Сергей вспоминал какие-то обрывки разговоров, споры, какие-то виденные вместе фильмы и что она сказала, что подумала...

«А ведь я ни в кого больше не влюблялся. Странно всё в человеке. Не влюблялся, не влюблялся и не любил никого больше, а вот Витька уже не считает, сколько раз с ним это бывало, и ничего не нашёл. А я-то что нашёл? Судьба, товарищ... Какая всё это чушь. Боже мой, тошнотворно, противно». Он начинал злиться на себя, что до сих пор ничего так и не решилось, хотя от него, собственно говоря, ничего и не зависит больше.

«Но без неё мне всё равно плохо. Надо писать ответ».

Сергей ни разу не пожертвовал свиданием ради своей учёбы или работы и ни разу не видел этого со стороны Нины. Он ни разу не сказал, что ему чего-то не хочется и ни разу не услышал такого вопроса от Нины. Она не была эгоисткой, но всё время как-то так получалось, что всё шло ей навстречу. И если Сергей убегал с лекции, чтобы встретиться с Ниной, так разве она виновата, что у неё именно сегодня свободный вечер, а у него лекция? И если она договорилась пойти в демонстрационный зал, а Сергей пошёл с ней, чтобы побыть вместе, так кто кого неволит, он ведь может и не ходить, ну, встретятся завтра!

Они бродили по городу, изредка заглядывали друг к другу и снова тянулись к уединению, как все люди в их состоянии, и если Сергея порой начинало тяготить это беспеременное положение, то Нина будто считала, что всё в порядке вещей. И если Сергей стремился как-то переломить это, то Нина прерывала его, как только он начинал:

– Серёженька, не надо! Разве тебе плохо?

«Действительно, разве ему было плохо? Нет. Но можно ведь, чтобы стало лучше. Лучше, чем есть, всегда может быть, это не довод».

После того как Нинины родители получили новую квартиру, Сергей и Нина стали видеться реже, но больше ничего не изменилось. Всё было как год назад и как два. Сергей любил Нину. Нина любила Сергея. И оба привыкли к тому, что они любят друг друга.

Утром на работу позвонил Виктор.

– Старик, Серёга, я снова в столице. Вчера. Да, поздно, к тебе же не позвонишь. Ты что делаешь? Нет, вообще... А что, Нины нет? Прекрасно, это твоё дело, можешь обижаться. А у тебя сегодня не библиотечный день? Жалко. Ну, ладно, тогда вечером встретимся? Я тебе назначаю свидание...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.